

Светлана Ярошенко¹

Бедность независимости: северное село в условиях двойного исключения

В данной статье на основании результатов лонгитюдного исследования среди официальных бедных и территориального исследования северного села современной России анализируется механизм формирования застойной бедности. Сельские бедные рассматриваются в качестве одной из депривированных и социально-исключенных групп, особенностями положения которой является экономическая, социальная и пространственная изоляция от основных источников жизнеобеспечения капиталистической России. Данная изоляция является важным фактором преобразования статистической группы бедных в реальную. Ключевым отличием такой группы является не столько нехватка средств существования, сколько устойчивость такого положения, признание неспособности самостоятельного преодоления нужды, а также выработка особых способов обеспечения домохозяйства в условиях исключения с рынка труда и включения в систему социальной защиты. Однако, социальная помощь, направленная лишь на поддержание достигнутого уровня жизни, не может быть каналом восходящей мобильности для ее получателей.

Нисходящая мобильность ранее благополучных социальных слоев и распространение бедности на работающих стали признанными особенностями трансформирующейся России. Наряду с подсчетами масштабов современной бедности, по разным оценкам составляющим от 20 до 50% населения страны (Кларк, 1999), ученые пытаются определить причины ее расширенного воспроизводства и постоянства. В большинстве случаев аргументация лежит в плоскости *структурных* объяснений, связывающих материальные лишения с развалом прежней распределительной системы и недостатками новой (Бедность в России, 2000: 24). Реже встречаются рассуждения о сформированной за годы советской власти привычки к зависимости и неприспособленности (Чернина, 1994:60).

Вместе с тем существуют случаи, на наш взгляд, не вписывающиеся ни в одну из таких аналитических конструкций: анклав бедности в деревнях, закрывающихся поселках и моно-городах; преодоление нужды в одних бедных семьях и неизменность ситуации в других; обращение за государственной поддержкой только части населения с доходами ниже прожиточного минимума, преобладание женщин среди обратившихся за помощью. Эти примеры свидетельствуют о встраивании культурного механизма воспроизводства бедности в структурный.

Почему часть «новых бедных» вырабатывает конструктивные практики

---

¹ Ярошенко Светлана Сергеевна - кандидат социологических наук, заведующая сектором экономической социологии ИСЭПС КНЦ УрО РАН, научный сотрудник ИСИТО (Москва). Адрес электронной почты – s_yaroshenko@online.ru

совладания с жизненными трудностями, а часть, несмотря на экономическую активность, не может изменить ситуацию? Каким образом проходит водораздел? Кто оказывается в числе несостоятельных бедных, испытывающих постоянные лишения? Каковы пределы возможной идентификации этих групп и насколько определимы каналы мобильности между ними? Является ли официальная регистрация в качестве нуждающихся достаточным основанием для разграничения постоянно бедных от временно бедных?

Эти и другие вопросы изучались в ходе исследования северной деревни в течение двух лет, начиная с 1999 года. Исследование еще не закончилось. В данной статье предлагаются первые обобщения полученных результатов, касающихся социальных пособий и их роли в преодолении нужды.

Концепция андекласса в российском контексте

Концептуальные рамки исследования бедных северной деревни формировались сквозь призму представлений относительно перспектив формирования андекласса в постсоциалистических странах в целом и в трансформирующейся России, в частности.

Несмотря на разногласия в определениях андекласса (Smith, 1992) западные исследователи сходятся во мнении, что из него очень трудно вырваться. Лишения накапливаются и, словно оковы, препятствуют восходящей мобильности. *Географическая сегрегация*, наряду с *крайней бедностью* и *межпоколенческой преемственностью нужды*, считаются основными факторами формирования этой категории (Szeleney, 2001: Ch4, 1).

С началом рыночных реформ 90-х годов и развалом прежней системы жизнеобеспечения в трансформирующихся странах меняется характер бедности: из феномена жизненного цикла, обусловленного демографическими факторами, она становится явлением, тесно связанным с классовой позицией, этничностью и гендером (Szeleney, 2000:2). Ключевой особенностью современной российской ситуации в сравнении с советскими временами является то, что сокращаются возможности мобильности в благополучные слои и создаются условия для формирования постоянной бедности (андекласса).

В российском контексте наследуемая бедность как индикатор андекласса (застойной или постоянной бедности) в связи со спецификой советской системы распределения вызывает сомнения, хотя и есть основания ожидать некоторого «наследования» зависимости от льгот и пособий. Пространственная изоляция, в качестве базового индикатора андекласса, для России также мало пригодна, хотя проявляется в ряде депривированных сельских, лесных, угольных поселков. К тому же место жительства, как показали сравнительные исследования, является мощным фактором бедности в России (Szeleney, 2001: Ch4, 21). Однако, в большинстве случаев крайняя бедность не локализована пространственно и вместо «пространственной» имеет место «социальная изоляция»: социальная дистанция между бедными и остальными слоями.

В связи с этим в качестве базовых характеристик постоянно бедных в

России, или российского андэкласса, мною взяты следующие черты: крайняя бедность; продолжительность такого состояния, грозящая воспроизводством нужды в последующих поколениях; особые (безуспешные²) *стратегии выживания*, связанные с консервацией бедности, а не ее преодолением.

В статье доказывается, что формируется реальная группа бедных - устойчивая группа постоянно бедных, или андекласс - характеризующаяся низкой материальной обеспеченностью (крайней бедностью), исключением с рынка труда и из системы социальной защиты.

Социальное исключение в данном контексте является характеристикой (1) отношения государства к депривированным группам, испытавшим резкое снижение уровня материальной обеспеченности и социального статуса; (2) группового поведения, нацеленного на отождествление себя с бедными, признание экономической зависимости и закрепление практики выживания вне достижительских сценариев.

Социальное исключение - ситуация, когда люди не только лишены ресурсов преодоления трудностей, но и самих возможностей их получения, накопления. Именно, социальное исключение является механизмом формирования постоянной и глубокой бедности. Исключение проявляется на институциональном и поведенческом уровнях. На институциональном уровне происходит формирование института изоляции несостоятельных граждан: экономическая политика государства определяет нестратегические места работы, исключая из состоятельных тех, кто там работает, а органы социальной защиты исключают тех, кто не входит в число достойных помощи бедных. На уровне поведения происходит выбор неэффективной стратегии жизнеобеспечения, выпадающей из принятого (распространенного) хозяйственного уклада, исключение из которого закрепляет бедность. Апогеем исключения становится атомизация индивидов – потеря связи с домашней экономикой (выпадение из семьи) и сетевой экономики (родственного обмена).

Исследование сельской бедности и формирования постоянно бедных среди получателей социальной помощи проходило в несколько этапов³. В ходе

---

² Успешные и безуспешные практики поведения официальных бедных выделялись на основании того, насколько они способствовали преодолению или углублению материальных лишений (бедности), формированию реальной группы бедных. За счет мобилизации какого ресурса (гражданского, профессионального, сетевого, хозяйственного) формируется успешная стратегия? И напротив, невозможность использования каких ресурсов ведет к постоянству бедности? Параллельно рассматривалась роль социальных пособий в этом процессе, а точнее роль стратегий, связанных с оплачиваемой занятостью или государственной помощью (стратегии занятости или стратегии зависимости).

³ Первые два этапа исследования проводились при финансовой поддержке Фонда Сороса (RSS No: 1273/1999). Проект – «От достойных бедных к андеклассу: практика социального исключения в условиях переходной экономики России». Третий этап исследования состоялся благодаря финансовой поддержке программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», Института перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Министерства образования Российской Федерации за счет средств, предоставленных Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (США) и Института «Открытое общество» (фонд Сороса). (К-696-1-01). Проект «Способы адаптации социально-исключенных групп в капиталистической России XXI века». Точка зрения, отраженная в данном документе может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

первого этапа (осень 2000 года) состоялось знакомство с жизнью села, с организацией данного территориального сообщества и зон бедности. Границы группы бедных выяснялись (прорисовывались) согласно различным идентификациям: властной (официальной), общественной и самоидентификации. Были проведены экспертные интервью в администрации, социальной службе и местном центре занятости относительно того, кто считается бедным на селе, как ими определяется грань, отделяющая различные типы нуждающихся. Затем проводились интервью в семьях, как названных социальными работниками в качестве примеров различных типов нуждающихся, так и указанных самими жителями села. В ходе интервью выяснялось то, насколько информанты отождествляют себя с бедными. В каждом случае “называния” и самоотнесения к бедным важно было выявить *личностные* смысловые контуры этого понятия, а также аргументацию помощи и поддержки именно их. Исследовательская гипотеза заключалась в том, что на пересечении идентификационных зон и личностных (индивидуальных) смыслов, им приписываемых, находится устойчивая группа бедных, оцениваемая таковой с разных позиций и являющаяся постоянно бедной.

В ходе интервью определялся и уточнялся смысл, вкладываемый в характеристику несостоятельной (бедной) позиции. Смысловой код выделения наиболее нуждающихся определялся не только на основании оценок и суждений, но и через реальное поведение, демонстрируемое в рассказах о семье, трудовой биографии и истории нужды. Таким образом, сверхзадача заключалась в реконструкции института воспроизводства бедности на макро- и микро-уровнях.

Спустя полгода, на втором этапе исследования проводились повторные интервью с теми же семьями, а также добирались новые случаи. Всего на каждом этапе было опрошено около 25 семей.

Северное село в процессе капитализации

Включение сельских бедных в призму такого исследования не случайно. Именно крестьяне, особенно на Севере, оказались заложниками экономического реформирования и внедрения «дикого» рынка, исключившего из поля зрения государства все экономически нерентабельные, ранее дотационные, а теперь депрессивные (неблагополучные) отрасли народного хозяйства. Ситуация выпадения или исключения из новой рыночной экономики лишь развила наследие советского прошлого, в котором российская деревня, несмотря на лозунг смычки села и города, оставалась на периферии государственных интересов⁴, а жители деревни – в числе наименее обеспеченных россиян. В настоящее время разрыв между городом и деревней стал более очевиден.

⁴ Нестратегическую позицию и исключение сельского хозяйства демонстрируют отчасти данные официальной статистики о среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников предприятий и организаций по отраслям экономики РК с 70-х годов по 90-е включительно: сельское хозяйство наряду с культурой и образованием на протяжении трех десятилетий оставалось самой низкооплачиваемой отраслью. Для сравнения, заработная плата в сельском хозяйстве в 1970 году составила 126 рублей, а в промышленности – 218 рублей, управлении – 185 рублей; в 1990 году эти показатели,

Положение северян усугубляется сложными климатическими условиями, препятствующими эффективному развитию сельского хозяйства. А монопрофильные промышленные зоны вносят дополнительный дисбаланс в экономическое развитие. Не является исключением пос. Койгородок - село, в котором проходило исследование. Это районный центр Республики Коми с численностью населения в 3 тысяч человек и 11 тысяч человек в целом по району. К концу второго тысячелетия эти места в силу периферийности (200 километров от столицы) и изоляции (первая автомобильная дорога была построена в середине 80-х годов) стали центром социальной депривации.

Основу экономической базы района составляют лесозаготовки и сельское хозяйство - типичные отрасли для южных районов Республики. Старейшие и единственные в республике металлургические заводы уже давно не работают из-за отсутствия сырья. Лес - единственный ресурс района – с середины 90-х годов оказался невостребованным, в результате чего произошел спад производства на лесозаготовительных предприятиях, сокращение численности работающих здесь и резкое снижение заработной платы. Начиная с 1994 года численность занятых в районе уменьшилась на 2 тысячи человек (Статистический ежегодник, 2001:51). Больше всего от сокращений пострадали леспромхозы, где число работников сократилось наполовину. С развалом лесозаготовок и сокращением лесопунктов была свернута и социальная инфраструктура поселков: пекарни, магазины, бытовки, столовые. Для оставшихся без работы или получающих низкую заработную плату поиск приемлемого места работы в условиях моно производства был неэффективным способом решения материальных проблем. Большинство предпочло зарабатывать средства к существованию в подсобном хозяйстве или сезонным калымом (сбор грибов, ягод, сенокос), а рабочее место по возможности сохранялось про запас.

С конца 90-х годов район на новой волне лесозаготовок стал развиваться и залатывать экономические бреши. Однако, восстановление леспромхозов, выразившееся в наращивании объемов промышленного производства и преодолении его убыточности, несопоставимо по масштабам с советским, а потому никак не повлияло на общую атмосферу запущения. Уровень зарегистрированной безработицы, достигший в 1997 году рекордного показателя в 10%, в последующие годы снизился до 5-6%. Таковым он продолжает сохраняться по сей день. Заработная плата работающих неуклонно снижается в соотношении с прожиточным минимумом (Госкомстат РК, 2001) и явно недостаточна для содержания семьи. Иными словами, безработица и низкая оплата труда существенно осложнили жизнь селян, вынужденных теперь искать новые источники существования.

Предпринимательство, также как и самозанятость, вряд ли могут

рассматриваться в качестве альтернативы промышленному производству или совхозам, поскольку развиваются в условиях северных сел по-прежнему слабо. Если учесть, что домашнее производство (семейная экономика) в условиях рискованного земледелия на Севере является трудозатратным и малоэффективным занятием, то ситуация выглядит еще более неперспективной.

Вместе с тем по масштабам бедности район не выделяется на общем фоне региона. Доля бедных здесь по статистике составляет около 20% от общей численности населения, что соответствует средним данным по региону и Российской Федерации в целом. В свою очередь доля зарегистрированных бедных несмотря на постепенное увеличение остается незначительной: 2,5% в 1997 году и 8% в 2000 году.

Может ли в этих (крайне тяжелый для всех жителей деревни) условиях факт получения пособия быть индикатором крайней бедности и маркером, достаточным для выявления постоянно бедных?

Институт социальной защиты на селе: государственная поддержка или исключение

Согласно принятой в Республике Коми методике определения нуждаемости, пилотируемой с 1997 года⁵, основное условие получения статуса «нуждающихся» - низкий душевой доход. Расчет нуждаемости семьи проводится на основании имеющихся в домохозяйстве прямых (налогооблагаемых) и косвенных (жилищные субсидии, льготы, пособия) доходов. Таким образом, власти пытаются учесть традиционно высокую долю, которую занимают в семейных доходах распределяемые блага и привилегии. Другой особенностью расчетов нуждаемости является учет потенциальных доходов. Так, учитывается экономический потенциал: доход, который могла бы семья иметь в результате рационального использования принадлежащего ей имущества (излишки жилья, дача, подсобное хозяйство, гараж, автомобиль). Введены нормативы, согласно которым определяется доходность подсобного хозяйства и крупного рогатого скота. В случае отсутствия земли к имеющемуся доходу (как в городе, так и в селе) приплюсовывается доход 3 соток земли. Считается, что каждая семья, испытывающая материальные проблемы, может их отчасти решать за счет земельного надела. Отсутствие одного, особенного на селе, расценивается как нерадение и игнорирование имеющихся возможностей. И наконец, учитывается трудовой потенциал: занятость трудоспособных граждан. При отсутствии уважительных причин для безработицы одного из членов семьи, ей отказывают в помощи. Для трудоспособных безработных граждан обязательна регистрация в Службе занятости.

Иными словами, принципы государственной благотворительности сформулированы таким образом, чтобы исключить помощь тем низкодоходным семьям, которые имеют экономический и трудовой потенциал. Предполагается,

---

⁵ Анализ особенностей социальной политики см. С. Ярошенко. Бедные в социальной стратификации постсоветского общества // *Рубеж*. 1998. № 12.

что тем самым можно стимулировать активизацию внутренних резервов домохозяйства, пресечь иждивенчество и формирование экономической зависимости.

Во избежание формирования зависимости приняты также ограничения по выплате денежных пособий. Основными формами помощи для преобладающего числа официальных бедных являются жилищные субсидии и льготы. Денежное пособие выдается лишь при условии крайне низких среднедушевых доходов в семье, которые оказываются ниже гарантированного душевого дохода. Последний утверждается ежеквартально властями исходя из имеющихся бюджетных средств. На протяжении последних лет его величина не превышала трети установленного в Республике прожиточного минимума, что автоматически снижало долю получателей пособия.

Таким образом, на фоне роста числа работающих бедных в социальной политике формируется образ «достойного помощи» - маргинала, не имеющего ни рабочей силы, которую он мог бы продать, ни ресурсов, которые он мог бы превратить в капитал. Рассмотрим каким образом данный «идеал» воплощается на практике.

На начало октября 2000 года в Койгородском районе было зарегистрировано 256 семей (902 человека) в качестве нуждающихся, из которых только 14 семьям (47 человек) было назначено пособие. Для сравнения, в 1997 году было зарегистрировано 270 человек, из которых 100 получали пособие⁶.

Косвенным образом о том, за счет кого происходит рост числа признанных нуждающимися, свидетельствуют данные о структуре официальных бедных в 2000 году. Среди получивших статус нуждающихся преобладали многодетные семьи - 30 семей (148 человек); неполные семьи - 49 семей (98 человек); семьи безработных - 87 семей (340 человек). Несмотря на жесткие принципы отбора среди получателей государственной поддержки высокой оказалась доля работающих бедных и безработных, а также тех семей, что традиционно попадали в число объектов социальной политики из-за преобладания в них иждивенцев. Примечательно и то, что половину зарегистрированных в качестве нуждающихся на селе составили домохозяйства, возглавляемые женщинами: одинокие женщины и одинокие матери, а также полные семьи с работающей женщиной и безработным мужчиной⁷.

Такое распределение не случайно. С одной стороны, сохранение относительно стабильной величины гарантированного денежного дохода (230

⁶ СДД ниже ПМ позволяет семье претендовать на получение статуса нуждающегося, а значит – жилищных субсидий и льгот, а доход ниже ГДД позволяет рассчитывать на денежное социальное пособие. Льготы представлялись и предоставляются в виде жилищных субсидий, путевок в детские лагеря, выплат детских пособий. Пособия, летом 1999 года, «выплачивались» продуктами, а сейчас - носками.

⁷ Данная тенденция рассматривается в статье Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных. Рубеж. 2001. №16-17; Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся. *Гендер и сексуальность. Спб, 2001*

рублей) наряду с увеличением прожиточного минимума (около 1000 рублей) искусственно снизило долю претендентов на денежную помощь. Основным стимулом к регистрации и обращению за помощью в данном случае остается предоставление льгот (снабжение дровами по сниженным расценкам, бесплатное детское питание, оплата детских садов и т.п.) и жилищных субсидий. Наиболее ощутима и востребована такая помощь для семей с детьми и пенсионеров. Однако размер пенсий вкупе с коэффициентом доходности приусадебного участка исключает, как правило, пенсионеров из числа претендентов.

С другой стороны, данный состав официальных бедных является следствием реализации критериев государственного вмешательства в новых экономических условиях: трудовая этика и патриархатность, - универсальных моральных принципов, сопутствующих образованию первых национальных рынков труда (Polanyi 1957; Dean 1991: 156-192). Трудовая этика подразумевала необходимость труда для обеспечения средств существования, продажа рабочей силы дееспособными гражданами становилась основным условием безбедного существования, а предоставление помощи было возможно только недееспособным. В свою очередь патриархатность подразумевала мужскую ответственность за содержание семьи, а потому отнесение одиноких женщин к числу недееспособных соответствовало стереотипам существующей гендерной культуры.

Таким образом, наиболее привлекательным объектом социальной помощи становятся семьи с низким экономическим и трудовым потенциалом, что в условиях села связывается с невозможностью компенсировать с помощью приусадебного хозяйства или иной трудовой активности как дефицит рабочих мест или приемлемой заработной платы, так и высокую иждивенческую нагрузку в семье. В первую очередь в число таких семей попадают домохозяйства, возглавляемые женщинами: одинокие женщины, неполные семьи и семьи с безработным мужчиной.

Частная практика защиты: путь наверх

Наличие и использование каких ресурсов становится каналом восходящей или нисходящей мобильности?

Среди бедных (экономически активных) сельских семей мы отобрали три примера, демонстрирующих различные жизненные ситуации и стратегии совладания с нуждой. Первый случай описывает ситуацию в семье работающих бедных. Как правило, преодоление нужды обеспечивается мобилизацией и эффективным использованием «хозяйственного» и «сетевоего» потенциала: подсобным хозяйством и взаимоподдержкой родственников. Социальная помощь в такой семье используется в качестве одного из имеющихся источников обеспечения, когда внешняя поддержка не является значимой в домохозяйстве, и рассматривается в качестве средства поддержания прежнего уровня жизни. Второй случай, напротив, освещает практику социальной

помощи в семьях, не располагающими такими возможностями и испытывающими серьезные материальные лишения. При столкновении с проблемами в сфере оплачиваемой занятости такие семьи не имеют запаса прочности в виде стабильного подсобного хозяйства или интенсивного родственного обмена, - морально одобренных компенсаторов утраченных благ и гарантий. В свою очередь социальная помощь здесь не только не компенсирует дефицит ресурсов, но и не может служить толчком к их мобилизации и гарантом от бедности. Лишь длительный опыт низкой оплаты труда, очевидное преимущество исключения из принятой на селе практики организации хозяйства ведут к привыканию к внешней помощи и экономической зависимости. И, наконец, третий случай – пример развития изоляции от всевозможных источников существования, в том числе внешней поддержки. Когда длительная практика бездеятельного существования ведет к атомизации и тотальному исключению из общинной и состоятельной жизни.

Полная многодетная семья, рекомендованная в сельском Управлении по социальным вопросам как **«хорошая бедная семья»** – пример незначимости социального вспомоществования. Семья явно вызывала сочувствие местных властей, да и селян, поскольку была образцом трудолюбия и хозяйственности. Материальные проблемы связывались с внешними обстоятельствами: низкой заработной платой, а не многодетностью или пороками поведения.

Оба супруга работают на низкооплачиваемых работах: она – библиотекарем с ежемесячной заработной платой в 700-800 рублей (\$25-29), а он – рабочим мелькомбината, чей заработок в 1000-1500 рублей (\$36-54) выплачивается нестабильно и частями. В результате среднедушевой денежный доход составляет около 400 рублей при установленном прожиточном минимуме в тысячу рублей. Однако семья не считает себя бедной: *«Дело не в деньгах, если бы выплачивали все, что причитается, то больше бы не нужно было».*

Регистрация в социальной службе и получение официального статуса нуждающихся – результат давления предприимчивой свекрови: *«Встать на учет в службу занятости посоветовала свекровь: она же предприимчивая. Все знает. Послала встать, утверждая, что другие семьи еще лучше нас живут, а стоят на учете».* Таким образом, с 1998 года семья является получателем социальной помощи: жилищный субсидий, детских пособий, разовой материальной помощи и льгот в виде обеспечения дровами, оплаты детского садика и т.п. Несмотря на внушительный перечень получаемый благ их оценка в обеспечении семьи незначительна: *«Помощь помогает хоть чуть-чуть дотянуть».*

Основанием благополучия называется собственное хозяйство и женская предприимчивость в организации хозяйства, а также решении возникающих материальных проблем.

Несмотря на то, что высоко оцениваются денежные доходы, поскольку без них невозможно поддерживать ни подсобное хозяйство, ни вести привычное

потребление, нет ориентации на накопление. Именно это отличает ее семью от родительской: *«Честно говоря, свекровин дом – это не мой дом. Там инициативу лучше не проявлять. Но надо сказать ей [свекрови] спасибо, потому что взяла я от нее многое. Год пошел на пользу: научилась как хозяйство содержать. Правда, я не смогла так совсем: у нее накопительство на первом месте. Она очень оборотистая женщина. У меня такого нет. Я живу сегодняшним днем...»*

Другой отличительной чертой семейной (хозяйственной) организации особый принцип конструирования «надежного мужчины»: гибкое управление внутрисемейными отношениями, изоляция мужчин от мужских компаний.

«...Еще я научилась, как не надо с мужем жить. Они хорошо живут, но в эмоциональном плане они живут плохо. У них матриархат, давление. Она ругается, а он живет. Хотя вся мужская работа на нем, он все делает, но она все равно ругается. Мама – мозг, а он – бесхребетный. Сестра мужа взяла ту же моду. И живут они с мужем не ахти как. У нас, у родителей, все равно отец – глава семьи. Хотя мама командовала, но вообще-то равноправие было. И мы с мужем также живем. Я его исподволь направляю. Он хозяйственный. Если сильно не давить, то... Вообще он добрый и глупый. Г..овская, их порода ».

Вышеприведенная цитата явно демонстрирует женский авторитет, стратегические функции и предприимчивость в организации домашней экономики. Роль мужчины ограничивается «силовыми» сферами крестьянского хозяйства: строительство, ремонт, земельные работы, уход за скотом.

Все семьи, получающие социальную помощь, делятся на две категории: полные - *«семьи примерно такие же как и мы»* и «неполные» - *«у меня подруга стоит там же: у нее трое детей и без мужа. Нет у нее хозяйства, поскольку все хозяйство держится на мужчине».*

Данное обстоятельство является индикатором крайней бедности: *«Без мужчины на деревне никуда. Если есть хозяйство, то живут сейчас вместе только из-за хозяйства, а не детей. Женщины бы давно уже ушла (ей тяжелее намного с ним жить), но никуда на деревне не уйдешь, его не выгонишь и хозяйство держит. И деньги нужны, чтобы уехать куда-то, и земля держит».*

Примером значимой роли социальной помощи является семья одинокой матери, зарегистрированной как нуждающейся сразу с рождением ребенка в 1992 году: *«Зарегистрировалась, чтобы хоть какое-то пособие платили, как дочку родила».* После смерти матери в 1989 году И. жила с отцом. Совместное ведение хозяйства существенно помогало в решении материальных забот. Только со смертью отца в 1999 году ситуация сильно осложнилась. Пришлось сворачивать подсобное хозяйство из-за отсутствия мужчины в доме. Из-за конфликтов с зажиточным братом по поводу наследования родительского дома оказалась без родственной поддержки. Другая сестра, также одинокая мать, не может оказать содействия.

«Как папа умер, так все пошло кувырком. Моя жизнь испортилась. Другую работу? Куда я пойду? Да, и не интересовалась я другой работой. С папой легче. Все-таки мужчина в доме. Старик, а дома не сидел. Все что-то делал. С родителями легче жить».

С 1986 года работает фасовщицей в аптеке. Получает заработную плату в 900-1000 рублей. Получает социальное пособие в 140 рублей. Отец ребенка, имеющий другую семью, помощи никакой не оказывает. Таким образом, среднедушевой денежный доход составляет около 550 рублей. Это несколько выше, чем в предыдущем случае. Однако в этой семье нет других источников (ресурсов) для улучшения материальной ситуации: *«...денег не хватает. Скотины нет, чтобы скотину держать, деньги нужны <> Брат живет лучше, так как корову держит, гусей и уток. Мне бы полторы тысячи рублей хватило бы, чтобы жить нормально».*

Что толку держать хозяйство, если братьевья или сыновья все пропивают? У меня подруга отказалась держать скот, так как ей надоело, что она работает, а ее ненадежные братья или даже муж пропивают все подчистую. Говорит, что себе с ребенком она может и купить. Ей будет достаточно.

Пример расширенного исключения и изоляции – случай с Л., 29-летней женщины, разведенной и лишенной родительских прав.

Л. вышла замуж сразу после школы и родила дочь. До рождения ребенка устроилась на работу, чтобы только получать детское пособие. Затем уже нигде не работала. Сначала сидела с ребенком, а потом было трудно найти работу без профессионального образования. Семью обеспечивал муж. Пока не дали собственную квартиру жили вместе с братьями мужа в трехкомнатной квартире. В доме не переводились гости. Пили вместе с братьями и мужем. Однако из всей компании только Л. втянулась настолько, что быстро оказалась в рядах «падших женщин» (с алкогольной зависимостью, безработной, деморализованной). В данном случае речь идет не только о проблемах со здоровьем, но и социальных проблемах. Уже сейчас ей невозможно рассчитывать ни на какую постоянную работу, поскольку все на селе, в том числе работодатели, знают ее историю падения и зависимости. Ненадежный работник никому не нужен. Более того она оказалась ненужной своей собственной семье. Муж подал на развод. Суд развел супружескую пару и оставил ребенка отцу, лишив Л. родительских прав. Л. оказалась без работы, семьи и жилья. Ее пристанищем стала летняя кухня – имущество, переданное ей в ходе раздела.

В настоящее время перебивается калымом и подачками сожителя, содержащего ее в обмен на жилплощадь - летнюю кухню неподалеку от дома своей бывшей семьи и родительского дома (деревянного многоквартирного дома, находящемся в очень ветхом состоянии). На лице явный отпечаток алкоголизации и побоев. Эмоционально подавлена и испытывает страх перед

мужем, деревней: *«Вы только мужу не говорите, что я с вами говорила... Я бы уехала куда-нибудь. Здесь мне жизни нет. Никуда меня не примут на работу...»*

Таким образом, из всех трех приведенных примеров в крайней нужде оказывается женщина, исключенная из системы социальной защиты и других источников жизнеобеспечения: постоянной работы, подсобного хозяйства, родственного обмена и взаимопомощи. Находясь в крайней бедности, она не может рассчитывать на благосклонность власти и общественного мнения, отказывающих ей в праве на внешнюю поддержку в силу пороков поведения.

В двух других случаях социальная поддержка распределяется, но имеет различную значимость. В семьях, где социальное пособие – один из многих источников жизнеобеспечения, его роль сводится к поддержанию прежнего уровня жизни. Выходу за пределы нужды, как правило, такие семьи обязаны активизации трудового (хозяйственного) или сетевого потенциала. В семьях с ограниченными ресурсами (чаще всего семьях, возглавляемых женщинами), значимость социальной помощи возрастает. Однако, это не может стать каналом преодоления бедности или стимулом к мобилизации отсутствующих ресурсов.

Механизм исключения/включения бедных, Или как формируется зависимость

"Новые бедные" в стратификации современного российского общества представляют собой статусную группу, которая выделяется не только стилем жизни и стандартами потребления, но и закрепленным правовым статусом. По существу, механизм формирования этой реальной группы включает три стадии: властную номинацию, идентификацию (стигматизацию окружающими в качестве бедных) и самоидентификацию: осознание себя бедным и представление о социальном минимуме, отсутствие которого является основанием для подобной самоидентификации).

Факт получения пособия не является маркером, выделяющим наиболее нуждающихся. С одной стороны, в рядах «официальных» бедных оказываются семьи достаточно состоятельные, но имеющие право на компенсацию утраченных гарантий и стандартов жизни. С другой, - туда попадают крайне бедные, для которых государственная поддержка - это признак нерадения и порочных пристрастий, ставших причиной хозяйственной несостоятельности.

В число крайне бедных попадают семьи, испытывающие на протяжении длительного времени постоянную нисходящую мобильность, находящиеся в крайней нужде и формирующие недостижительские практики хозяйствования. В первую очередь ситуация в сфере занятости серьезно изменила для таких семей шансы восходящей мобильности. А семейная организация (усиление женской ответственности за обеспечение и содержание домашнего хозяйства) при невозможности мужчинам практиковать, как в былые времена миграционные или вахтовые методы занятости) усиливает их движение вниз в случае продолжительной бездеятельности (недееспособности мужчин). В свою

очередь организация крестьянского хозяйства (тесная связь подворья с оплачиваемой занятостью) в случае продолжительности проблем ведут к консервации бедности. Получение социального пособия не решает проблемы в силу его незначительности, избирательности и направленности на поддержание достигнутого уровня жизни, а не стимулирование активности. Социальная помощь является компенсаторным, а не мобилизационным ресурсом. Социальное пособие и льготы не являются фактором преодоления бедности, и не могут стать серьезной причиной постоянной бедности. Только для части зарегистрированных бедных существует возможность формирования зависимости от внешней поддержки из-за исключения от других источников обеспечения. Но их проблемы получаемая со стороны помощь не решает. Социальная поддержка не становится мобилизационным ресурсом для преодоления бедности в силу его ограниченности и нейтрально. Но пособие может быть действенно при неизменности внешних условий и может стать причиной усугубления ситуации, когда человек перестает видеть другие возможности.

Иными словами, постоянно бедные – это наименее обеспеченные социальные слои, восходящая мобильность которых затруднена и которым сложно перейти в другую категорию. Их проблемы постоянные и социальное пособие – только один и не самый важный элемент механизма по их воспроизводству.

Выделяются два варианта исключения (выпадения) из привычного крестьянского хозяйствования и состоятельной жизни. Первый связан с определением бедных как людей, находящихся в ситуации длительной безработицы или низкой оплаты труда. Поскольку совхозы и оплачиваемая занятость на государственных предприятиях, сделали личное хозяйство зависимым от ситуации в сфере оплачиваемой занятости, то «выпавшие» с рынка труда с течением времени испытывают серьезные трудности в поддержании подворья. Другой вариант исключения связан в глазах сельской общественности с « пороками » поведения. Определение бедных в этом случае очень близко к их « традиционному » отождествлению с больными, лентяями, преступниками и прочими асоциальными элементами, неспособными вести хозяйство и принятый образ жизни. Если такие бедные, известные на селе « в лицо », так же как их проблемы, стигматизируются сообществом, то остальные оцениваются сельской общиной в понятиях приличной (принятой или достойной) бедности.

Депрессивная экономика российского села и ограниченная государственная поддержка являются значимым социальным контекстом, в котором сельские бедные вырабатывают стратегии совладания с нуждой. В результате двойного исключения из состоятельной жизни: когда потери на рынке труда не компенсируются « слабой » системой социальной защиты, - формируется частная практика выживания. В ней центр активности смещается в

плоскость сетевого обмена и домашнего хозяйства. Социальная защита, организованная государством, не ослабляет эти тенденции, а усиливает частную оборону домохозяйства от «рыночного произвола» в виде разнообразных источников дохода. Выпадение из состоятельного образа жизни завершается сворачиванием домашней экономики и социальных связей.

Литература

Бедность в России. Государственная политика и реакция населения. Под. Ред. Джени Кругман. Вашингтон: Всемирный Банк, 1998. Пер. на русский язык 1997. The International Bank for Reconstruction and Development/ The World Bank. Washington.

Буровой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом. // *Рубеж*. 1997. №10-11. С.154-176.

Инхетвен Х., Блаш М. Женщины в мелкотоварном сельском хозяйстве Франконии. *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия*. Москва: Прогресс, 1992. С. 45-52.

Истомина Е. Экономика и занятость в лесопромышленном комплексе Республики Коми. *Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы*. Сыктывкар, 2000. С. 168-173

Кларк С. Бедность в России // *Эко*. 1999. №11-12.

Маршалл Салинз. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.

Основные показатели деятельности отраслей экономики, январь-декабрь 2000. Сыктывкар: Статистический бюллетень №18-24-14/1. 2001.

Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000.

Сен, Аматыя. Политическая экономия голода. *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия*. Москва: Прогресс, 1992. С. 186-188.

Скотт, Джеймс. Моральная экономика крестьянства как этика выживания. *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия*. Москва: Прогресс, 1992. С. 202-228.

Статистический ежегодник Республики Коми. Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РФ и Госкомстат РК, 2000. С.85.

Статистический ежегодник Республики Коми. Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РФ и Госкомстат РК, 2001. С.323.

Томас В., Знанецкий Ф. Крестьянская семья: Польша начала столетия. *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия*. Москва: Прогресс, 1992. С. 38-44.

Шанин Т. Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. *Хрестоматия*. Москва: Прогресс, 1992.

Шанин Т. Понятие крестьянства. *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия*. Москва: Прогресс, 1992. С. 8-20.

Чаянов А.В. Организация крестьянского хозяйства. *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. Хрестоматия.* Москва: Прогресс, 1992. С. 126-132.

Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: Экономика.

Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества. // *Социс.* 1994. № 3. С.54-60.

Ярошенко С. Бедные в социальной стратификации постсоветского общества // *Рубеж.* 1998. № 12.

Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных. *Рубеж.* 2001. №16-17.

Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся. . *В поисках сексуальности.* Сборник статей. Под ред. Здравомысловой Е. И Темкиной А. Спб.: Издательство Д. Буланин, 2002 (в печати).

Dean, Mitchell. The constitution of poverty. Toward a genealogy of liberal governance. London: Routledge, 1991

Polanyi K. The great transformation. Boston: Beacon press, 1957.

Sanders, Jimmy M. Public transfers: safety net or inducement into poverty? *Social Forces*, 68:3, March 1990. P.813-834.

Smith, David J. (Ed.) Understanding the underclass. London: Policy studies institute, 1992.

Szelenye Ivan (Ed.) Poverty, ethnicity and gender in transitional societies. Yale University, January 2000.

Szelenye Ivan, Ladanyi, Janos. Poverty and social structure in transitional societies. Prepared by Janos Ladanyi and Ivan Szelenye. Yale university: Center for Comparative studies, draft September-December 2000.